

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

В. Клепацкий

Клепацкий Василий Викторович

**Синтаксическая вариативность
русских переводов последней трети XVIII в.
(на материале переводов трактата
И.-Г. Циммермана «Vom Nationalstolze»)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Маркасова Елена Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
Фомин Александр Игоревич

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований
РАН

Защита состоится «26» февраля 2009 г. в 17³⁰ часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «23» января 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514486

Ученый секретарь
диссертационного совета

к.ф.н. Руднев Д. В.

1. Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено проблеме синтаксической вариативности русских переводов одного текста, выполненных в последнюю треть XVIII в. Исходными методологическими основаниями работы стало признание а) внутриязыковой обусловленности становления литературного языка нового типа и его нормы (В.В. Колесов) и б) взаимной зависимости грамматических и стилистических аспектов языка и текста (В.Г. Адмони, Г.Н. Акимова, З.К. Тарланов). Диссертационная работа представляет собой исследование в рамках **исторической стилистики** – дисциплины, изучающей текст «как форму использования системы языка в создании функционально оправданных стилей» (Колесов, 1989: С. 11).

Проблема развития и нормализации стилистической системы в целом и отдельных ее элементов в период XVIII в. изучалась в языковедческих (Г.Н. Акимова, Е.Э. Биржакова, В.В. Веселитский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Горшков, В.М. Живов, И.И. Ковтунова, В.В. Колесов, Л.Л. Кутина, Н.А. Мещерский, Ю.С. Сорокин, Б.А. Успенский, Г. Хютль-Фольтер и др.) и литературоведческих (П.Н. Берков, Г.А. Гуковский, А.В. Западов, Ю.М. Лотман, Г.П. Макогоненко и др.) работах, при этом всегда с учетом взаимного влияния собственно языковых и литературных аспектов дифференциации стилей.

Материалом для исследования послужили три перевода последней главы трактата И.-Г. Циммермана «Vom Nationalstolze» (1768) (далее – Цим1) выполненные в 1785, 1788 и 1793 годах, и статья Н.М. Карамзина «О любви къ Отечеству и народной гордости» (1802). Первый по времени перевод «Разсуждения о национальномъ любочестіи» СПб, 1785 (далее – Цим1) принадлежит Д.И. Фонвизину и представляет собой перевод лишь последней главы трактата; второй – анонимный неполный перевод с французского перевода-посредника: «Народная гордость», М., 1788 (далее Цим2); третий – полный перевод с немецкого «Образъ народного любочестія», СПб, 1793 (далее Цим3) принадлежит Н.И. Поливанову. Величина переводов последней главы трактата от 42 000 до 53 000, статьи Н.М. Карамзина 12 600 печатных знаков. Опосредующий французский перевод – «De l'orgueil national, traduit de allemand de m. Zimmermann», Paris, 1769 (далее – Цимfr).

Кроме того, для проверки полученных данных и подтверждения выводов изучаются и другие главы Цим2 и Цим3.

Основная цель диссертации – выявить характер и причины синтаксической вариативности в трех русских переводах Трактата И.-Г. Циммермана на фоне активных процессов нормализации стилистической системы.

Объектом исследования является вариативность а) размера

предложения в русских переводах и б) перевода атрибутивных конструкций: полупредикативных оборотов с причастием в качестве стержневого слова и придаточных присубстантивно-определятельных.

В соответствии с основной целью диссертации, объектом и материалом исследования в работе решаются следующие задачи:

- изучить явление вариативности в сравнении с варианностью и синонимией, а также описать вариативность разных языковых уровней на протяжении всего XVIII в. на фоне широкого языкового и литературного контекста;

- выработать методику подсчета размера предложения на основе имеющихся методик и с учетом специфики материала, а также установить и сопоставить параметры размера предложения изучаемых текстов;

- установить различия переводов и их оригиналов, а также переводов между собой по параметру уровня синтаксической иерархии простого предложения, и выяснить характер и причины установленной вариативности;

- типологически сопоставить выбранные для анализа русские, немецкие и французские атрибутивные конструкции и установить их количество;

- исследовать приемы перевода атрибутивных конструкций для каждого русского текста, а также сравнить количественные данные и качественные особенности атрибутивных конструкций русских переводов по отношению друг к другу, т.е. выявить причины вариативности и закономерности при переводе на русский язык атрибутивных конструкций немецкого и французского текстов.

Для решения поставленных задач и с учетом специфики материала исследования в диссертационной работе применяются типологический, статистический методы, а также метод грамматико-стилистической интерпретации количественных даны и метод сопоставительно-переводческого анализа, который ведется по двум основным направлениям: 1) сопоставление текста оригинала с текстом (текстами) перевода, 2) сопоставление двух (или более) вариантов перевода одного и того же оригинала.

Ограниченный объем материала предполагает не экстенсивную, а интенсивную методику работы, что конкретно проявляется в использовании приема сплошной выборки материала при установлении всех анализируемых параметров текста.

Актуальность исследования обусловлена включенностью темы в контекст изучения становления и дифференциации стилей в общем процессе сложения норм русского литературного языка нового типа, а также неизученностью синхронных (выполненных в условно один и тот

же период развития языка и нормы) вариантов перевода XVIII в. с точки зрения их синтактико-стилистических особенностей.

Новизна работы заключается в следующем:

1. на основе статистического метода качественно-количественного анализа размера предложения (В.Г. Адмони, Г.Н. Акимов, Г.А. Лесский) выработана методика установления количественных параметров предложения оригинальных и переводных текстов, которая позволяет сопоставлять переводы с оригиналами, сравнивать варианты переводов между собой и выявлять грамматико-стилистические особенности изучаемых текстов;

2. в общих чертах определены подходы к изучению значительного корпуса повторных (разновременных и синхронных) русских переводов XVIII в.;

3. в научный оборот вводятся новые качественно-количественные данные, полученные при анализе текстов, значимых для истории русского литературного языка.

Теоретическая значимость состоит в осмыслении взаимного влияния стилистического и синтаксического факторов, а также степени влияния иноязычных текстов в процессе выработки норм русского литературного языка. Важным представляется и описание – хотя и фрагментарное – переводческого узуса последней трети XVIII в.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и материал могут быть использованы в вузовских курсах по исторической стилистике, историческому и современному синтаксису русского языка, теории и истории перевода, а также учтены при атрибуции и установлении языка-источника переводного текста.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах на аспирантском семинаре «Лексикология и стилистика» кафедры русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета (2002 – 2005 гг.), на заседании кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (2004 г.), на XXXIV Международной филологической конференции (14 - 19 марта 2005 г.). Содержание работы отражено в 3-х публикациях.

II. Структура диссертационного исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (207 позиций) и двух приложений.

Во Введении формулируются цели, задачи, определяются предмет и объект исследования, дается краткая характеристика материала.

В Главе I формулируется, *во-первых*, основная теоретическая проблема исследования – проблема вариативности. Изучается проблема

вариативности/вариантности языка и речи, рассматривавшаяся в лингвистической, в том числе и переводоведческой, литературе, а также разводятся понятия а) «вариативность» и «вариантность» на основе различного понимания термина «вариант» и б) «вариативность» и «синонимия».

Под **вариативностью** понимаем потенциальную способность логического содержания быть выраженным различными языковыми формами. Вариативность – постоянное свойство языковой системы, нормы и узуса. Вариативность есть причина и, одновременно, результат развития языка. Потенциальная и реальная **вариативность переводов** обусловлена множественностью импликатур оригинального текста и принципиальной асимметрией языкового знака. Отбор импликатур, передаваемых на языке перевода, зависит от личности переводчика: его лингвистической и культурной компетенции, его идеологических и стилистико-переводческих установок. **Варианты перевода** – это единицы одного и того же или разных языковых уровней (прежде всего, морфологических, лексических и синтаксических), соотносимые между собой на основе общности исходных единиц текста-источника.

Во-вторых, на основе анализа литературы вопроса устанавливается характер и причины вариативности в языке и текстах XVIII в. Так, для последней трети XVIII в. характерна вариативность на всех языковых уровнях (морфологии, синтаксисе и лексике). Сосуществование вариантов в этот период имеет, как правило, стилистический характер: варианты распределены по стилям языка (книжный – некнижный), однако отсутствует четкая система функциональных стилей (научный, деловой, публицистический и т.п.). Отсутствие четкой жанровой системы в сфере нехудожественной литературы и единых стилистических критериев среднего прозаического стиля, сосуществование в качестве противоборствующих тенденций к книжному синтаксису (ориентация на традицию) и тенденции к разговорному синтаксису с опорой на французские образцы (новаторская стилистическая ориентация) суть объективные причины широкой вариативности оригинальных и переводных текстов.

Глава II посвящена грамматико-стилистической проблеме вариативности размера предложения (РП) и синтаксической сложности простого предложения в изучаемых переводах. Устанавливаются количественные параметры РП немецкого, французского источников и их русских переводов, а также статьи Карамзина (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1

Средние параметры РП

Параметры предложения ¹	Zimde	Цим1	Цим3	Цим2	Zimfr.	Карамзин
n ЦП	23,7	24,6	40	21,9	19,6	18,1
n ЭП	7,5	8,4	10,6	8,2	7,5	7,8
n СП	25,2	28,2	44,4	25,3	22,3	21
n ПСС	7,2	8,1	10,3	7,9	7,1	7,3
n ПСП	14,3	11,9	18	11,4	11,1	11,6
n С	3,5	3,3	4,3	3,2	3,3	2,9

Различия в параметрах РП русских переводов обусловлены, во-первых, различными стилистическими установками переводчиков.

Д.И. Фонвизин (Цим1) переводит Трактат как публицистическую статью, используя парцелляцию ЦП для создания кратких и содержательно емких фраз-сентенций. Таким образом, Фонвизин отводит значительную роль интонации как средству создания связности текста. На количественных параметрах РП это сказывается прежде всего так: n ПСП и n С в тексте Цим1 меньше того же параметра в Zimde.: Большие средние размеры других параметров обусловлены интерпретационным характером перевода как речевой деятельности.

Н.И. Поливанов (Цим3) на основе риторически организованного немецкого оригинала, представляющего собой образец иерархически организованной прозы, создает намеренно усложненный, «интеллектуализированный» текст, рассчитанный только на медленное чтение. Одним из основных средств создания такого типа прозы выступает количественное увеличение ЭП: переводчик пользуется приемом перифразы (см. пример (1) *на всей земной поверхности – auf Erden*), тавтологии или просто вставляет слова, словосочетания «от себя», не имеющие соответствий в немецком оригинале (см. в пример (1) подчеркнутые слова и словосочетания). Переводчик как бы стремится заместить все синтаксические позиции вокруг «переведенных» слов. Тем самым по сравнению с Zimde и Цим1 на уровне синтаксической иерархии простого предложения заметно увеличивается а) соподчиненный куст (глагольный и субстантивный на 25 % и более) и, в меньшей степени, б) синтаксическая глубина (примерно на 8%). Кроме того, n ЦП в Цим3 почти в два раза больше, чем Zimde и Цим1, что не в последнюю очередь обусловлено и установкой на объединение двух или трех ЦП оригинала в

¹ n – среднее количество слов в предложении, ЦП – любое цельное предложение, т.е. от точки до точки; ЭП – элементарное предложение, т.е. любое простое предложение; СП – сложное предложение; ПСС – простое в составе сложного, ПСП – простое самостоятельное, цельное, предложение, С – степень сложности сложного предложения.

одно ЦП перевода, а также вставками целых предложений «от себя». Последние два фактора влияют и на увеличение п С.

Сравни точный перевод с парцелляцией (2 раза) в Цим1 и «многословный» перевод Цим3, где наблюдается как объединение ЦП (1 раз), так, впрочем, и парцелляция (1 раз).

(1)² *Nichts ist auf Erden vollkommen; die Tugend hat ihre verwundbare Stelle, die Sonne ihre Flecken, und so gar zuweilen eine auf den Durchbruch der Gnade laurende Bättschwester Unfechtungen von Unkeuschheit.//Man muß die sogenannten grossen Männer nicht immer aus ihren Schriften oder Reden beurtheilen, man muß auf ihre Thaten schauen; // man muß sie in ihrem Leben, in ihrer Familie, in ihrem Hause studieren, wenn man sie kennen will; // der alte sauersehende Cato hatte eine Beischläferinn, wie nachher Marcus Antonius, und mancher heutiger Philosoph von meiner Bekanntschaft.* (Zimde S. 380)

Нет в свете ничего совершенного: добродетель имеет свои уязвимые места, солнце свои пятна, и самая на единую благодать уповающая постница ощущает иногда соблазны сладострастия. Не должно судить так называемых великих людей по их писаниям или беседам, но должно смотреть их деяния. // Кто узнать их хочет, тому надобно рассматривать их жизнь, обхождение с роднею и с домашними. // Престарелый и нахмурившийся Катон имел девуку, как потом Марк Антонин и некоторые из нынешних философов, мне знакомых. (Цим1 С. 305 – 306).

... Однем словом, на всей земной поверхности нет ничего совершенного: ибо и самая добродетель подвержена бывает часто многим слабостям, самая даже смиренномудрейшая богомольщица, чакющая повсечастно себе от Благостыни милосердия, подпадает нередко различным вражеским искушениям; // а потому то самому не следует всегда судить и о так называемых великих людях по одном лишь оных творениям; // но надлежит рассматривать все их дела и разсуждать о образе их жизни, о всем их семействе и о всех их домашних упражнении, естли только совершенно узнать кто оных похочет. // Понеже нетолько многие из нынешних мною знаемых философов порабошены различным человеческим слабостям, но и самый древний Катон, сей правдивый впрочем муж, так как и после оного живший Император Марк Аврелий (так! – В.К.) имели у себя оба по наложнице. (Цим3 С. 309)

² В текстах примеров соблюдается орфография и пунктуация источников, в русских текстах упрощенная орфография: *ѣ* передается как *е*, *і* – как *и*, не сохраняется *ъ* на конце слов. Двойной косой чертой показаны границы предложений, где наблюдается парцелляция или объединение цельных предложений оригинала; подчеркнутые слова не имеют эквивалента в оригинале.

Помимо формального усложнения при помощи распространения и объединения предложений, в Цим3 наблюдается увеличение степени экспликации логики повествования за счет использования подчинительных и сочинительных союзов. Так, в примере (1) в первом предложении на месте бессоюзия немецкого текста появляется подчинительный союз *ибо*, который вводит вторую часть сложного предложения как причину того, о чем говорится в первой части. В немецком же оригинале отношения этих частей иные: вторая часть предложения соотносится с первой как общее и частное.

Объединение ЦП осуществляется также с использованием союзного соединения *a потому то* со значением следствия. Ни в немецком тексте, ни в переводе Цим1 эти отношения не выражены. Такое предпочтение гипотаксиса паратаксису и бессоюзью (т.е. подобного рода переводческие трансформации) характерно для всего перевода Цим3. В этом же ряду и установка (впрочем, наблюдаемая во всех изучаемых переводах) на трансформацию придаточных немецкого текста в причастные и деепричастные обороты, т.е. предпочтение еще более тесных синтаксических связей по сравнению с гипотактическими.

Качественное усложнение предложения и текста в целом достигается в Цим3 также за счет лексического и синтаксического варьирования, т.е. соблюдения принципа разнообразия, характерного для традиции церковнославянского и западноевропейского красноречия: переводчик Цим3 избегает повторов, даже если они выполняют функцию логического связывания текста. Это особенно наглядно проявляется в строго и сложно организованном варьировании союзов-скреп протяженных синтаксических периодов, избегании одинаковых синтаксических конструкций в пределах одного предложения, абзаца.

Отмеченные стилистико-синтаксические особенности приводят к увеличению степени синтетизма развернутых синтаксических единств и эксплицитности синтаксических связей, что характерно для иерархической прозы, где «обычно эксплицируются не только смысловые связи между элементами высказывания, но и коммуникативное неравенство сообщений в ходе повествования. Чтобы построить коммуникативную иерархию сообщений, в текст вводятся деепричастные обороты, эквивалентные сочинительному предложению, широко используется относительное подчинение» (Арутюнова, 1975: С. 23 – 24).

Именно высокий синтетизм синтаксического уровня (Акимова, 1973а, 1974) и «экстенсивность формы» (Благой, 1941: С. 58), т.е. несоответствие величины языковой формы логическому содержанию текста, были характерными чертами текстов прозаических жанров в течение всей второй половины XVIII в., именно от этих характеристик

текста и отталкивались сторонники «нового слога». Сравнение параметров РП текста Н.М. Карамзина с текстом Цим3 и Цим1 подтверждает этот вывод: все параметры РП текста Карамзина меньше аналогичных параметров переводов Д.И. Фонвизина и Н.Н. Поливанова. Разумеется, РП в переводах напрямую связан с РП оригинала, поэтому такое сравнение оригинального и переводных текстов достаточно условно.

Во-вторых, различия параметров РП в переводах обусловлены разными языками источников: перевод с французского обнаруживает меньшие средние параметры РП. Это связано с объективными идиоматическими характеристиками французской грамматики, лексики и стилистики, степенью развитости французского литературного языка. Так, ко второй половине XVIII в. – перевод на французский осуществлен в 1769 году – французский язык можно охарактеризовать как уже устоявшийся литературный язык нового типа, закрепленный в многочисленных образцовых текстах. Проблема среднего стиля, актуальная в это время и для немецкого, и для русского языка, была уже решенной. К особенностям французского языка и среднего стиля следует причислить а) тяготение к более расчлененным структурам (предпочтение придаточных перед синонимичными полупредикативными оборотами), б) предпочтение краткой фразы распространенному периоду, в) грамматическая ограниченность атрибутивных оборотов слева от определяемого слова, г) установка на сближение книжного языка с разговорной речью, где высота слога достигается прежде всего интонационными средствами (риторическими восклицаниями, вопросами, повторами), заимствованными из разговорной речи. Все это и явилось причиной того, что, несмотря на переводной характер французского текста, сам опосредующий французский перевод отличается по параметрам РП от немецкого оригинала. В последнем средние величины как правило больше, чем в первом. Четкое, порой до буквализма, следование переводчика Цим2 французскому тексту, а также многочисленные стилистически не мотивированные выпуски слов, словосочетаний, предложений и даже особенно сложных абзацев, определили тот факт, что средние РП Цим2 меньше средних РП Цим1 и, разумеется, Цим3.

В Главе III рассматривается вариативность использования атрибутивных конструкций в русских переводах. В центре изучения находятся два типа атрибутивных конструкций: распространенные конструкции с причастием в качестве стержневого слова определительного оборота и присубстантивно-определятельные придаточные.

Выбор этих конструкций определен, во-первых, их значительной

частотой в анализируемых текстах, что обуславливает доказательность выводов. Во-вторых, близостью грамматических значений этих конструкций в русском, немецком и французском языках при заметных конструктивных отличиях от одного языка к другому, что позволяет выявлять степень влияния оригиналов на перевод. В-третьих, тем, что эти конструкции находятся в центре внимания лингвистов, исследующих становление синтаксической нормы русского литературного языка, и, значит, новые данные могут быть вписаны в контекст изучения этого фрагмента синтаксиса русского языка.

Итак, при помощи сплошной выборки устанавливаются все случаи использования этих конструкций в русских текстах и выясняется, переводом каких немецких и французских конструкций они являются (см. Таблицы № 2 и № 3).

Таблица № 2

Конструкции с причастиями в анализируемых русских текстах

	Цим1	Цим3	Цим2	Карамзин
ПО ³ постпозиционный	44	51	83	12
ПО препозиционный	4	2	1	0
PCO ⁴	29	55	9	0
Объем текста в печатных знаках	43000	53000	42000	12600

Основной и общей для всех тенденцией в использовании атрибутивных конструкций является трансформация немецких и французских присубстантивно-определятельных придаточных в конструкции с причастием при переводе на русский: в Цим1 29%, в Цим3 21% и в Цим2 38%. При этом не отмечено ни одного случая обратной трансформации: конструкции с причастием в тексте источника в русское присубстантивно-определятельное придаточное. Это объясняется, во-первых, большей свободой русских причастий употребляться в качестве определений, а во-вторых, стилистической маркированностью конструкций с причастиями как принадлежащих книжному, т.е. высокому стилю речи на фоне стилистически нейтральных присубстантивно-определятельных придаточных. В переводах по сути обнаруживается стилистический запрет трансформации конструкций с причастиями в придаточные указанного типа. По данным Г. Хютль-Фольтер (Hüttl-Folter, 1996) в первой половине XVIII в. такие трансформации были возможны: в переводе с французского В.К. Тредиаковского «Военное состояние Оттоманская империи»

³ ПО – причастный оборот.

⁴ Так условно обозначены необособленные причастные обороты, находящиеся в препозиции к определяемому слову и имеющие четкое атрибутивное значение, т.е. это распространенные согласованные определения (PCO) в чистом виде.

отмечены 52 случая подобной трансформации. Отношение к трансформации причастных конструкций в придаточные с *который* выявляет изменение не в стилистической окраске этих конструкций, а в самом понимании источника литературного языка. В 30-е гг. XVIII в. по французскому образцу в качестве источника литературного (нормализованного) языка выбран «разговорный», т.е. русский язык, который противопоставляется «книжному» церковнославянскому. С середины XVIII в. происходит резкое изменение взглядов литераторов и филологов на литературный язык: требование полифункциональности вынуждает осуществить синтез «славянского» и «русского» языков. Это приводит к тому, что в произведениях, которые должны писаться высоким или средним стилем, предпочтение отдается «книжным» языковым средствам. На уровне синтаксиса это обнаруживается и в «однонаправленности» описываемой трансформации. К концу века под влиянием французского языка и его стилистической системы вновь актуализируется установка на разговорную речь как источник «хорошего слога». В это же время обостряется полемика вокруг предпочтения причастных оборотов или придаточных с *который*, своеобразный итог которой подвел А.С. Пушкин, дав четкую стилистическую оценку конструкциям с причастиями как выразительным книжным, и конструкции с *который* как «вялому» обороту, свойственному разговорной речи (Пушкин, 1947: Т. XII, С. 96).

В переводе Д.И. Фонвизина конструкции с причастием встречаются довольно часто и равномерно распределяются в основном между двумя типами: постпозитивным причастным оборотом и РСО. Предпочтение конструкций с причастием вызвано их стилистической окраской.

В переводе Н.И. Поливанова чаще, чем в других переводах, используется конструкция РСО, при этом больше половины этих оборотов не являются переводом, а добавлены «от себя». Конструкции с причастиями, особенно здесь активны РСО, используются не только как маркеры высокого слога, но и как средство а) увеличения средней длины простого, а следовательно, и цельного предложения и б) создания иерархически организованных синтаксических структур.

В переводе Цим2 наблюдается синтаксическое однообразие в использовании конструкций с причастиями: подавляющее большинство – это постпозитивные причастные обороты. Это связано с влиянием французского источника: во французском невозможен препозиционный причастный оборот с атрибутивным значением. Такое явление определено нами как «синтаксическое заражение» – стилистический недостаток перевода, своеобразная интерференция, когда язык источника как бы навязывает какую-либо конструкцию тексту перевода, которая, впрочем, имеется в языке перевода. Это приводит к многократному

использованию данной конструкции, не оправданному ни текстом оригинала, ни стилистическим заданием перевода.

Русское присубстантивно-определятельное придаточное⁵ (далее – ОП) имеет в немецком и французском языках точные структурные эквиваленты, поэтому придаточные данного типа в русских переводах являются в основном точной передачей немецких и французских определятельных придаточных предложений (см. Таблицу № 3). Количественные различия употреблений ОП в русских переводах по сравнению с немецким и французским текстами объясняется упоминавшейся выше тенденцией трансформировать ОП в конструкции с причастием.

Таблица № 3

**Соответствия ОП переводов синтаксическим структурам
в текстах оригиналов**

	Цим1	Цим3	Цим2	Zimde	Zimfr
Всего ОП	76 (21) ⁶	95 (24)	75 (14)	102 (27)	123 (35)
ОП в тексте оригиналов	75	81	62		
МСП ⁷ в тексте оригиналов	0	6	4		
Предложения других типов	0	7	3		
Словосочетания	1	0	3		
Другие соответствия	0	1	0		

Переводы Цим1 Цим2, как и по другим параметрам, очень близки к текстам-источникам.

В переводе Цим3 наблюдается несколько случаев трансформации других конструкций немецкого оригинала в русские ОП. Характер этих трансформаций также подтверждает логику реконструируемых стилистических установок Н.И. Поливанова. Так, в переводе Цим3 отмечены случаи трансформации расчлененных структур в нерасчлененные, простых самостоятельных предложений в составе сложного в придаточные, оформление однородного сказуемого

⁵ Следуем классификации Русской грамматики: «В предложениях присубстантивно-определятельного типа связь между главным и придаточным предложениями устанавливается на основе общности некоторого субстантивного элемента, который в главном предложении представлен формой существительного, а в придаточном – местоименным словом *который, какой, что* (в данной позиции неизменяемым), *каков, чей, где, куда, откуда, когда*. Между существительным и местоименным словом устанавливаются отношения согласования – формального или только смыслового». (Русская грамматика, 1980: Т.II. С. §2880). В терминологии немецкой грамматики *Attributsatz*, французской – *Proposition subordonnée complément de nom*

⁶ В скобках указано число ОП с союзным словом местоименным наречием и с пропуском союзного слова.

⁷ Местоименно-соотносительные придаточные. Эти структуры отличаются от ОП частеречной природой антецедента: в качестве определяемого слова в МСП выступает местоимение.

немецкого предложения в ОП, т.е. предпочтение гипотаксиса паратаксису, в то время как обратные случаи трансформации отсутствуют. Кроме того, среди ОП, являющихся результатом описанных трансформаций, преобладают распространительно-повествовательные придаточные⁸. Это связано с тем, что данные ОП соответствуют самостоятельным простым предложениям и однородным сказуемым немецкого текста. Сами же распространительно-повествовательные придаточные как особая синтаксическая структура являются средством создания синтагматической прозы письменных жанров XVIII века (Акимова, 1973а: С. 120). Таким образом, эти трансформации также находят в рамках реконструируемой синтактико-стилистической установки на увеличение логико-синтаксической глубины и степени синтетизма предложения и текста в целом.

Таким образом, межтекстовая и внутритекстовая вариативность обусловлена общей тенденцией трансформировать ОП в конструкции с причастиями. При этом общность этой установки вроде бы уменьшает степень межтекстовой синтаксической вариативности, однако за внешним совпадением форм просматривается внутреннее различие: функции конструкций с причастиями в Цим1, Цим3 и Цим2 разные.

С целью определить степень зависимости переводов от оригиналов мы обратились к изучению порядка слов ОП. Оказалось, что примерно 85% всех ОП в Цим1 имеют сказуемое на конце предложения, что является характерной чертой немецкого синтаксиса.

В Цим3 немецкий порядок слов наблюдается примерно в 10 % ОП.

В Цим2 – переводе с французского – также около 5% ОП имеют сказуемое на конце предложения. Это наблюдается, как правило, тогда, когда ОП русского текста является трансформацией иной французской конструкции.

Такие результаты подтверждают вывод о том, что синтаксис перевода Цим1 очень близок синтаксису немецкого оригинала, в некоторых случаях можно говорить о прямом калькировании немецких структур. Перевод Цим3 обнаруживает большую свободу от оригинального текста и следует новаторским установкам на отталкивание от немецко-латинского порядка слов.

Немецко-латинский порядок слов в предложении, являвшийся образцовым в середине XVIII в. (Булаховский, 1953: С. 379), сменяется к

⁸ В присубстантивно-определятельном придаточном выделяются две разновидности: выделятельные и распространительно-повествовательные. Первые выделяют предмет из класса однородных, т.е. специфицируют его и поэтому не могут быть опущены без ущерба для смысла высказывания. Вторые дают новую информацию об определяемом слове, продвигая дальнейшее повествование, при этом они не ограничивают содержание понятия определяемого существительного, их можно опустить без потери основного смысла фразы. (Акимова, 1973а).

концу столетия естественным для русского языка словорасположением. Отталкивание от немецко-латинского порядка слов сочеталось «с тяготением к синтаксическому строю французского языка, наиболее близкому к естественным тенденциям русского синтаксиса, к нейтральным типам синтаксических структур» (Ковтунова, 1969: С. 136).

Таким образом, преобладание немецкого порядка слов в ОП в Цим1 объясняется не только влиянием немецкого оригинала Трактата, но, возможно, и следованием традиции середины века в построении простого предложения. Влияние этой традиции заметно и в переводе с французского: именно так можно объяснить случаи немецкого порядка слов в Цим2.

Нами затрагивается и другая проблема порядка слов в ОП, а именно: место союзного слова *который*, *кой* в приименном родительном падеже. В исследуемых текстах порядок слов в этих конструкциях соответствует нормам конца XVIII, за исключением одного случая нарушения в Цим3. Так, в предложных сочетаниях союзное слово находилось в постпозиции к управляющему существительному, например:

(2) ... *находится весьма много таких частных людей, в глазах которых Фокионы кажутся дураками* ... (Цим1 С. 303).

Такой порядок слов закреплён, даже несмотря на то, что в немецком языке и в предложных сочетаниях союзное слово стоит в препозиции, ср.:
... *wenn es einzelne Personen gäbe, in deren Augen Phocione Narren sind.* (Zimde S. 370).

Это порядок слов является относительно новым: в начале XVIII в. обычна препозиция местоимения *который*.

В беспредложных вплоть до середины XVIII в. нормативной и обычной является препозиция союзного слова в родительном приименном (Востоков, 1831: С. 340). Например:

(3) ... *пошли спартанские матери, коих сыны в битве убиты, ... во храм ...; напротив же того, матери, коих сыны спаслись бегством, сокрылись в глубочайшей печали*... (Цим1 С. 300)

Однако, известно несколько случаев постпозиции *который* уже в переводных текстах XVIII в., что связывается В.М. Кругловым с непосредственным влиянием французского порядка слов (Круглов, 2006). Во французском языке такого типа придаточные могут вводиться двумя относительными местоимениями *dont* и *duquel*, первое всегда в препозиции, второе только в постпозиции. Сочетания с *duquel* и являются источником изменения порядка слов в русских беспредложных сочетаниях с *который* в родительном, управляемом существительным.

Логика изменения порядка слов в русских ОП с родительным приименным союзного слова *который* такова: сначала порядок слов изменяется в предложных сочетаниях. Такая перестановка

поддерживается общей тенденцией русского языка не ставить между предлогом и существительным ничего, кроме согласованного определения. Затем этот новый порядок слов аналогически воздействовал и на беспредложные сочетания.

В исследуемом материале имеется один очевидный случай нарушения стандартного порядка слов и два случая, вызывающие некоторые сомнения.

Так, в переводе Цим3 один раз наблюдается постпозиция союзного слова *кой* в беспредложной конструкции:

... бросились немедленно все Спартанския матери, коих дети пали на месте сражения, ... во храм...; напротив того те самая матери, сыновья ~~коих~~ спаслися побегом, сокрылись тотчас, в глубочайшей будучи печали ... (Цим3 С. 292 – 293).

... giengen die spartanischer Mütter, deren Söhne im Treffen geblieben waren, in die Tempel...; die Mütter hingegen, deren Söhne sich durch die Flucht gerettet, verbargen sich in der tiefsten Trauer... (Zimde S. 360 – 361)

Причина нетипичного порядка слов в Цим3 (выделено полужирным шрифтом) кроется в стилистических установках переводчика: избегать лексических и синтаксических повторов в пределах предложения, абзаца или другого текстового единства. Синтаксическое варьирование проявляется в изменении нормативного порядка следования союзного слова в Р.п. перед управляющим им существительным (*... матери, коих сыновья ...* → *... матери, сыновья ~~коих~~ ...*). Синтаксический параллелизм в построении немецкого сложного предложения, выполняющий функции противопоставления, точно воспроизводится в Цим1 (см. перевод этого места выше) и с вариантом в порядке слов в Цим3. В данном случае вряд ли можно говорить о том, что такое словорасположение обусловлено влиянием французских образцов.

Во второй половине XVIII в. принцип разнообразия был вновь освящен авторитетом Ломоносова. В теории и практике сам Ломоносов следовал давней грамматической и стилистической традиции, которая «закключалась в том, что порядок слов в русском языке признавался свободным и эта свобода открывала возможность для многообразного варьирования в украшенной речи, для построения схем типа хиазмов» (Ковтунова, 1969: С. 113).

Как уже не раз отмечалось, переводчик Цим3 в наибольшей степени следует этой традиционной риторической рекомендации. Сила этой установки так велика, что Поливанова не останавливает нарушение стандартного порядка слов.

Схожий пример из письма А.С. Пушкина к В.П. Нащокину приводит Н.С. Пospelов:

(4) Каждое слово уничтожает сплетни, половине ~~коих~~ я не верил, но

коих другая половина сильно меня тревожила. (Цитата по: Пospelов, 1964: С. 24)

Вероятно, расположение относительных местоимений по схеме хиазма обусловлено той же установкой на организованное разнообразие синтаксических структур.

Еще два случая, которые похожи на новый порядок слов в ОП с родительным приименным местоимения *который*, обнаружены в Цим2.

(5) *Le mépris dans un présomptueux est l'affection avec laquelle il prend plaisir ...* (Zimfr P. 359)

Презрение в надменном человеке есть то действие, посредством которого полчает он удовольствие ... (Цим2 С. 178)

Французское ОП представляет собой другой по структуре и союзному слову вид присубстантивного придаточного, чем анализировавшиеся выше. Местоимение *laquelle* управляется не существительным, а предлогом *avec*. В данном случае используется предлог *посредством*. Ср. еще одно предложение подобного типа:

(6) *... inspirent ce noble desir, qui produit infailliblement de grandes choses ...* (Zimfr P. 328)

... внушают сие благородное желание к славе, помощью которого производятся великия дела ... (Цим2 С. 157)

В этом примере относительное местоимение *qui*, связывающее главное и придаточное, выполняет функцию подлежащего. В переводе французская активная конструкция трансформируется в пассивную. Логический субъект русского предложения вводится в предложение предлогом *помощию*.

Среди примеров, обнаруженных В.М. Кругловым (Круглов, 2006), имеются придаточные с новым порядком слов, которые вводятся словами *при помощи* и *с помощью*. Контексты актуализируют значение существительного у слова *помощь*, однако здесь уже ощутима и релятивная семантика предлога:

(7) *... прїсвалї онї нїмцовѣ къ себѣ, прї помощї которыхъ первые другїхъ побїлї.*

... avoient appellé les Allemands, à l'aide desquels les premiers avoient vaincu les autres.

(8) *..., и не теряя времени еще два корпуса перебралїся, с помощїю которыхъ онѣ имѣ свои мостѣ сдѣлалъ.*

..., & sans perdre temps y coule encore deux legion, à la faueur desquelles il fait son Ponts.

Во французском языке сочетания *à la faueur de* и *à l'aide de*, вероятно, предложились уже в XVII в. – период расцвета классического французского языка. Появление предлогов *при помощи*, *с помощью*, *помощию*, *посредством* относится к середине XVIII в. (Черкасова, 1966).

Таким образом, в данных двух случаях и им подобных мы имеем дело не только с калькированием французского порядка слов, но и с семантической индукцией, вызывающей частеречную транспозицию: существительное *помощь* получает элемент релятивного значения, т.е. опредложивается, под влиянием лексически сходного производного предлога французского языка. Надо полагать, что именно в этих моделях новый порядок слов в беспредложных сочетаниях закреплялся в первую очередь. Действительно, такие сочетания с управляющим опредложненным существительным превращались из сочетания слов в предложно-именную группу, где порядок следования элементов, как правило, строго задан: предлог + существительное/местоимение. Очевидно, что как раз сочетания с опредложненным существительным обладали наибольшим потенциалом влияния на порядок слов в конструкциях с примененным родительным союзного слова.

Итак, помимо прямого влияния французского словорасположения, изменение порядка слов могло поддерживаться во-первых, стилистической установкой избегать синтаксических повторов и, во-вторых, внутриязыковыми факторами: а) переходом ряда существительных в предлоги, б) запретом каких бы то ни было слов между предлогом и существительным, кроме согласованного определения.

В Заключениях формулируются основные выводы, полученные в ходе исследования. В работе было установлено, что причины вариативности в организации предложения-высказывания носят стилистический характер: в период становления среднего стиля и отсутствия четкой жанровой и стилевой дифференциации возникает проблема выбора той или иной риторической стратегии и языковой нормы (традиции), в соответствии с которыми и переводится иноязычный текст.

Оригинальный текст обычно ограничивает возможность выбора жанра и стиля перевода. В случае же, когда сам текст совмещает в себе разные риторические стратегии, переводчики могут актуализировать ту или иную установку автора. Так, Трактат И.-Г. Циммермана представляет собой текст, написанный в традициях риторической, витиеватой периодической речи XVIII в., является образцом «иерархической» прозы, при этом совмещает в себе жанрово-стилистические особенности публицистического произведения и научного, философского, сочинения.

Различие языков источников для перевода в некоторой степени также обуславливает межтекстовую вариативность. Хотя опосредующий французский перевод и в стилистическом, и в структурном планах очень близок к немецкому оригиналу, однако особенности синтаксиса двух языков и идиоматизм лексического уровня приводят к тому, что отличия немецкого и французского текста проявляются и в русских переводах.

Внутритекстовая вариативность также обусловлена в первую очередь стилистическими установками переводчиков. Так, при сравнении переводов Цим1 и Цим2 с переводом Цим3 в последнем обнаруживается императивная установка на разнообразие, т.е. на избегание лексических и синтаксических повторов в пределах предложения и даже нескольких абзацев. В результате следования этому традиционному для украшенной, риторической речи принципу – принципу разнообразия – значительно увеличивается внутритекстовая вариативность текста, которая влечет за собой и увеличение межтекстовой вариативности. Помимо этого, в Цим3 использование вариантов союзов и союзных слов порой значительно усложняет восприятие текста, что, вероятно, могло пониматься как одна из черт книжного стиля, т.е. как стилистическое достоинство текста.

Таким образом, в период развития литературного языка, когда уже в основном сложилась и нормализовалась русская языковая система на всех уровнях, а лексические, морфологические и синтаксические единицы и средства уже подверглись стилевой дифференциации, именно отсутствие устоявшихся риторических стратегий построения текста, проще говоря, отсутствие четких границ функциональных стилей, являлось основной причиной широкой вариативности синтаксического уровня текстов.

Схожий характер имеет вариативность и в узусе переводчиков: выработаны единые, узуальные соответствия иноязычным единицам (например, перевод *Accusativus cum Infinitivo* вторым винительным причастия, трансформация определительных придаточных в причастные обороты, однообразный перевод устоявшихся словосочетаний типа *сын отечества*), однако при этих сходствах переводы обнаруживают значительную синтаксическую вариативность именно на уровне построения предложения и текста вообще. При этом совпадение форм не означает совпадение функций, т.е. наблюдается и скрытая вариативность.

Итак, в исследуемый период становления нормы литературного языка вариативность, вызванная отсутствием единой стилистической системы, и намеренная вариативность как проявление принципа разнообразия носят не системно-языковой, а стилистический характер. При этом намеренная вариативность была той областью, где намечались и новые языковые нормы (ср., например, вопрос о порядке слов в беспредложных сочетаниях приименного родительного союзного слова *который*). Оба типа вариативности (т.е. намеренная и вызванная отсутствием единой стилистической системы) обуславливали широкий набор единиц и принципов построения текста, которые в дальнейшем подлежали окончательной функционально-стилистической дифференциации.

В Приложении 1 описывается методика подсчета параметров РП.

Основное внимание уделяется выработке такой методики, которая бы позволила сопоставлять результаты подсчетов параметров РП разноязычных – немецкого, французского и русского – текстов и делать корректные и достоверные выводы. В качестве **единицы счета** в таком случае с необходимостью признается **синтаксическая форма слова**, а не любая графема между двумя пробелами: словом не считается артикль, предлог, отрицательная частица, вспомогательный глагол в аналитических формах времени и т.п.

В Приложении 2 дается краткий историко-библиографический очерк, посвященный созданию Трактата и его переводам на русский язык.

Здесь необходимо подчеркнуть тот вывод, который основывается на лингвистическом анализе переводов и истории их создания. Вероятно, Н.И. Поливанов все же не знал о существовании более раннего перевода Трактата с французского и о том, что этот перевод вызвал резкое недовольство Екатерины II и был одним из фактов обвинения по делу масонов-мартинистов, в частности и Н.И. Новикова.

Репрессиям Н.И. Новиков и его круг, а также А.Н. Радищев подверглись до выхода поливановского перевода Трактата. Если же предположить, что Н.И. Поливанов знал о судьбе перевода Цим2, то сама публикация нового перевода Трактата была бы крайне опасным шагом и, во всей видимости, никакие «перемещения акцентов» (Р.Ю. Данилевский) и смягчение содержания – чего, впрочем, нет в переводе Цим3 – не стали бы оправданием перед властью, запретившей печатать этот Тракtrat.

Итак, стилистические особенности перевода Цим3, т.е. его «темнота» и сложность, вызваны не желанием завуалировать революционный пафос некоторых глав и пассажей Трактата (как считает Р.Ю. Данилевский), а намеренной стилистической установкой на создание текста в традициях книжного, т.е. высокого по преимуществу, стиля. С середины и до конца XVIII в. такой стиль понимался как значительно усложненный и распространенный: категория сложности и витиеватости составляли суть понятия «украшенная речь». Степень «украшенности», «важности» слога должна была соответствовать степени важности предмета повествования. Впрочем, следование этому принципу в переводе Цим3 оказывается в значительной мере формальным, выхолощенным: «многоглаголание» и нарочитая усложненность текста Цим3 порой затемняют смысл, что становится особенно ясно при сравнении его с прозрачным переводом Цим1, также высоким по стилю.

Замечание о том, что перевод Цим2 более ясный и более точный, чем Цим3, не подтверждается при более подробном анализе текста Цим2: многочисленные выпуски, в том числе и политически острых фрагментов текста Трактата, и переводческие ошибки значительно затрудняют

восприятие содержания философского сочинения Циммермана. Ср. перевод одного из ключевых пассажей Трактата:

(9) *Я почитаю за республиканца такого человека, которой всему предпочитает любовь к своему отечеству, законам и безмерную имеет ненависть к деспотизму.* (Цим2 С. 111)

За истинного республиканца признаю я токмо такого человека, который предпочитает всему любовь к вольности, к отечеству, к законам, и который ненавидит всякого рода самовластие. (Цим3 С. 225)

Перевод Цим3 звучит гораздо резче, чем перевод Цим2: в переводе выпущено слово *liberté*, в Цим3 *Freiheit* – *вольность*. Вряд ли справедливо мнение, что перевод Цим3 несколько смягчен по сравнению с Цим2. Такое впечатление может создаться у современного читателя, не учитывающего языковой и стилистический фон конца XVIII в.

III. Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Клепацкий В.В. Синтаксическая вариативность переводов последней трети XVIII в.: размер предложения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 Филология, востоковедение, журналистика. СПб., 2008. вып. 1. С. 56 – 65.

2. Клепацкий В.В. Лексическая вариативность в переводах последней трети XVIII в.: *гордость – любочестие* // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. Вып.5. История русского языка. Ч.1. 14-19 марта 2005 г., СПб., 2005. С.22 – 29.

3. Клепацкий В.В. Вариативность переводов как объект изучения истории языка // Проблемы и перспективы развития экономики России и Санкт-Петербурга в XXI веке. (Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2004 года. Сборник лучших докладов март – апрель 2005 года.). СПб., Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. 2005. С.215 – 219.

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99 г.

Подписано в печать 15.01.2009 г.

Авт. л 1,1, Тираж 100 экз.

Ф-т филологии и искусств СПбГУ 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.
ОНУТ ф-та филологии и искусств СПбГУ 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

$$10 =$$